

// Naukovyi visnyk Uzhgorods'koho natsionalnoho universitetu. Seriya «Pravo». – 2014. – Vyp.24, T.4. – S.194–198.

6. Khvoynitska Kh. Kontseptsiya pryrodnoho prava hollands'kykh mysliteliv (Yu. Lipsii, H. Hrotsii) / Kh. Khvoynitska // Visnyk natsionalnoho universitetu «Lvivs'ka politekhnika». – 2011. – №692: Filososf'ki Nauky. – S.69–73.

7. Khodanych Yu. M. Kontseptsiya pryrodnoho prava predstavnykiv Novoho Chasu ta Frants Fon Tseyler / Yu. M. Khodanych // Naukovyi visnyk Uzhgorods'koho natsionalnoho universitetu. Seriya «Pravo». – 2014. – Vyp.28, T.1. – S.56–61.

8. Bunce R. E. R. Thomas Hobbes / R. E. R. Bunce. – Bloomsbury Publishing USA. – 2009 – 176 p.

Doichyk M. V., PhD, associate professor, Head of Philosophy, Sociology and Religious Studies Department, Vasyl Stefanyk Precarpathian National University, (Ukraine, Ivano-Frankivsk), maksvdac@ukr.net

The idea of dignity in Thomas Hobbes' philosophy

The article presents a historical-philosophical research on the peculiarities of dignity interpretation in the works of an outstanding English Enlightenment philosopher Thomas Hobbes. In the process of investigation the following methods were applied: dialectical, hermeneutical, and phenomenological. Thomas Hobbes refers dignity to everything valuable in a person, being his/her advantage over the others. These are abilities guaranteeing power; which can go under one name – «the great mind». Dignity is an exceptional property of few, of the minority, given by nature. Dignity is not absolute, but has the clear relative utilitarian nature and depends on the need in a person's power and the others' evaluation of him/her. Being worthy means having an undeniable right for something. Most plain people don't have any peculiar inborn features; that's why they have equally unsubstantial claims. The equality of the majority, both in mental and physical regard, becomes the reason for mutual mistrust, «war against everyone». The need to defend personal dignity develops under social contract. Its result is the state where the people are made to recognize each other's dignity.

Keywords: dignity, person, justice, mercy, natural right.

* * *

УДК 1(091)

Головко А. А.,
аспирант кафедры философии, Днепровский
национальный университет им. Олеся Гончара
(Украина, Днепр), a_golovko@i.ua

ПАТАФИЗИКА ВЛАСТИ ЖАНА БОДРИЙЯРА: ТРАНСПОЛИТИКА, КОД, ТАВТОЛОГИЯ

Анализируется проблематика власти в творчестве Ж. Бодрийяра и производится реконструкция основных аспектов его социально-политической философии: трансполитики, кода, тавтологии. Актуальность статьи состоит в том, что философия Ж. Бодрийяра может выступать в качестве действенной модели анализа и описания социально-политических феноменов в условиях современного глобального общества. Используются анализ, дескриптивный и компаративный методы. Показано, что проект патафизики власти Ж. Бодрийяра включает рекурсивную критику власти и обнаружение ее скрытых предпосылок, в частности – гиперреальности, симулятивности и отсрочки смерти. Рассмотрены основные понятия философии власти Ж. Бодрийяра и показана их взаимосвязь; также определено, что сфера политического и сфера власти как таковой в философии Ж. Бодрийяра не совпадают.

Ключевые слова: симуляция, гиперреальность, патафизика, фатальность, бинарность, капитализм.

(статья друкується мовою оригіналу)

В условиях современной глобализации общества растет роль политического сознания отдельного индивида и необходимости понимания текущих политических процессов. Современные СМИ часто не способны вовлечь массы в политический процесс и обеспечить необходимую коммуникацию между обществом и властью. Зачастую происходит обратное –

СМИ способны превратиться в инструмент легитимации власти, с помощью которого создается истеблишмент и поддерживается существующий политический порядок. В подобных условиях «пост-истины» (по выражению западной прессы), которые характеризуют современное состояние западного общества, учение французского философа Жана Бодрийяра оказывается как никогда актуальным. Его работы предоставляют свою (порой довольно оригинальную) трактовку политики и общества, выбивающуюся за рамки научного дискурса социологии или политологии.

Жиль Делез в одной из своих работ указывает, что цель философии – «наносить вред глупости», превращать ее в «нечто постыдное», «изобличать низость во всех формах ее проявления» [7, с. 220]. Все эти характеристики можно применить и к работам Ж. Бодрийяра. Он пытается устранить определенные смысловые искажения, возникающие в условиях гиперреальности, что влияют на субъектов гражданского общества. Один из основных аспектов его работ – это проблема симулятивности современной капиталистической экономики и сопутствующего ей политического устройства. Проект критики современности ставит Ж. Бодрийяра в один ряд с такими мыслителями, как Ж. Делез, М. Фуко, Ж. Деррида и другими.

Ж. Бодрийяр ссылается на широкий спектр работ влиятельных мыслителей, начиная с марксистской философии (К. Маркса, Ф. Энгельса, Л. Альтюссера, В. Беньямина), постфрейдизма, структуралистов (М. Фуко, Р. Барта, К. Леви-Стросса), иногда черпая материал для анализа даже в художественной литературе и кинематографе (Ф. Дик, Р. Роллан, Дж. Баллард). Что касается исследований творчества мыслителя, то их можно разделить на две категории – первая занимается критическим рассмотрением социальной и политической философии Ж. Бодрийяра с позиций научной методологии (сюда входят работы таких ученых, как К. Норрис, Д. Келлнер, А. Сокаль); вторая категория занимается анализом его работ в контексте парадигмы постнеклассической философии (В. Меррин, Н. Цурбругг и др.). В современной русской историко-философской традиции исследованием работ Ж. Бодрийяра занимались А. Дьяков и А. Грицанов, в Украине – В. Ковалевский, Л. Кононович, В. Шелухин.

Цель статьи – анализ и историко-философская реконструкция проблематики власти в работах Ж. Бодрийяра. Для этого следует решить следующие задачи: проанализировать работы Ж. Бодрийяра по проблеме власти, а также провести сравнение трех основных концептов автора – трансполитики, кода и тавтологии.

Жан Бодрийяр неоднократно называл себя «патафизиком». Этот термин он позаимствовал у Альфреда Жарри, который использовал это слово скорей в юмористическом контексте в книге «Жизнь и мнения доктора Фаустролля, патафизика» и определял ее как науку о воображаемых объяснениях воображаемых проблем [16, с. 6]. В работах Бодрийяра термин «патафизика» стал означать совершенно иное – это своего рода стратегия, направленная на обращение системы против себя самой в условиях симуляции и гиперреальности [4, с. 48].

Начиная рассмотрение проблемы патафизики власти в работах Ж. Бодрийяра, следует сразу же отметить, что

понятие власти как таковой и понятие политического (или политической власти) у мыслителя совершенно различаются. Политическая власть как инстанция социального претерпевает значительные изменения вместе с развитием общества. В работе «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» Ж. Бодрийяр пишет о том, что политика и социальное представляют собой одно целое со времен Французской революции [2, с. 23]. Тогда же сформировался образ политики как выражения интересов масс, или социального. До этого политика всецело пренебрегала социальным, как показывает нам пример макиавеллизма.

В Новое время политическое превратилось в означающее, своего рода знак, отсылающий к народу (который в данном случае стал означающим). Политика должна была соответствовать воле народа, в противном случае она представлялась недействительной, такой, что не соответствовала реальности [2, с. 25]. Но далее Бодрийяр утверждает, что в XIX в. наступает конец политики. Причиной этому он называет марксизм, так как данное учение утвердило роль экономики в обществе. С принятием марксизма приходит осознание того, что политика должна раствориться в социальном (что, в конечном счете, и происходит).

Данная трансформация политики совпадает с хронологией развития симуляции в учении Ж. Бодрийяра. В работе «Символический обмен и смерть» Бодрийяр выделил три основных этапа развития, или порядка, симулякров:

1) симулякры классической эпохи, или подделки (от начала Возрождения до промышленной революции): на данном этапе формируются симулякры первого порядка, такие, как этика, метафизика человека и естественно-научные воззрения на природу [4, с. 46];

2) симулякры промышленной эпохи, или производства (до начала XIX в.): на данном этапе появляются симулякры второго порядка, или детерминированные процессы, такие как культурная критика и идея революции;

3) симулякры третьего порядка, выражающиеся в коде [4, с. 113].

Симулякры первого порядка действуют на основе естественного закона ценности, симулякры второго порядка – на основе рыночного закона стоимости, впервые провозглашенного К. Марксом, и, наконец, симулякры третьего порядка оказываются основанными на структурном законе ценности.

В книге «Симулякры и симуляции» Ж. Бодрийяр слегка развивает собственную классификацию симулякров и добавляет, что симулякры первого порядка основаны на имитации реальности и подделке и направлены на институцию природы по образу и подобию Бога. Симулякры второго порядка – направлены на повышение производительности (роботы и машины). Симулякры третьего порядка – симулякры симулякров, основанные на моделировании, информации и коде (генетический код, ДНК, бинарный машинный код...) [5, с. 163].

Нетрудно заметить, что в критических работах Ж. Бодрийяра политика тесно связана с порядком симулякров, точнее, прямым вытекает из него и соотносится с ним. Во времена Возрождения и Реформации (то есть во времена формирования

симулякров первого порядка) политика принимала скорее вид театральной игры, а не идеологического развертывания. Бодрийяр описывает политику на данном этапе как «чистую игру знаков» [2, с. 23], как стратегию, не обременяющую себя выяснением истины. Именно на данном этапе политика представляла собой чистый симулякр первого порядка, или подделку. В дальнейшем же она обрела свое означаемое в социальном, и вся последующая история, по мнению Бодрийяра, развивалась в направлении сближения двух противоположных полюсов – политического и социального.

С возникновением симулякров второго порядка политика стала выражать интересы социального. В современном мире (по Ж. Бодрийяру, во времена симулякров третьего порядка) политика полностью растворилась в социальности, знаменуя собой переход в сферу гиперреальности.

В результате такого объединения политики и «социального» возникло «молчаливое большинство», или массы. Это область симуляции в пространстве социального, мнимое означающее, так как оно (как и политика) в данном случае уже не может иметь никакого означаемого. В данной ситуации все, что остается политике – производить спрос на смысл [2, с. 35], без которого она не сможет существовать.

Ж. Бодрийяр указывает, что любое воздействие на массу обречено на неудачу. В этом смысле власть политического – чистой воды иллюзия, ведь она уже ничего, собственно говоря, не решает. В «Конец социального» Бодрийяр утверждает, что любое воздействие на массу приводит лишь к тому, что силы, которые были потрачены на это воздействие – будь то информационные ресурсы или что-либо еще – начинают двигаться по кругу, бесконечно поглощаясь. Такое состояние вещей Ж. Бодрийяр называет «орбитальной эрой», сопоставляя ее начало с выведением на орбиту Земли первых спутников и ракет и сопутствующим им развитием масс-медиа: «С тех пор, как астронавты начали вращаться вокруг Земли, каждый стал тайком вращаться вокруг самого себя. Началась орбитальная эра, пространство которой великолепным образом составляет телевидение и многое другое, подобно тому, как круговорот молекул и спиралей ДНК составляет тайну наших клеток... Сам прогресс стал круговым, а человеческая вселенная превратилась в огромную орбитальную станцию» [3, с. 44].

В более поздних работах Ж. Бодрийяр дополняет три порядка симулякров (или стадии производства, для него эти понятия, по всей видимости, взаимозаменяемы) четвертым: стадией дробления ценности («Прозрачность зла») [3, с. 10]. На данной стадии ценность распространяется во всех направлениях, причем в ее движении Ж. Бодрийяр уже не проследивает никакой логики или закономерности. В данном случае, ценность развивается скорее по законам генетики и медицины, нежели по законам экономики. Ж. Бодрийяр сравнивает ее с вирусом или метастазами рака, опутавшими современное общество. Все растворяется во всем, и, следовательно, все умирает: если нет более различия ценностей, если они не дифференцируемы, то они с необходимостью должны исчезнуть, раствориться во всеобщей прозрачности. Ценности постоянно

перемещаются в некоем круговом движении (следует заметить, что это именно движение по кругу, а не по спирали: в своем учении Ж. Бодрийяр уже не видит возможности прогресса в современном обществе, для него данный этап развития предстает своего рода «концом истории»).

На данном этапе истории вещи трансгрессивны, они находятся в своего рода постоянном движении. Бодрийяр все время использует приставку «транс» при характеристике современности. Таким образом, у него появляются следующие понятия: «трансполитика, транссексуальность, трансэстетика» [3, с. 17]. Они выражают всеобщее состояние после политики, сексуальности и эстетики (аналогично метафоре всеобщей ситуации «после оргии», в которой очутилась современность). По формулировке Ж. Бодрийяра, трансполитика – это нулевая отметка политического, на которой происходит его бесконечное воспроизведение (или «серокопирование») и симуляция [3, с. 19], точно так же как массы являются нулевой отметкой социального. С одной стороны, трансполитика уже не имеет никакой реальной силы, но, с другой, она создает иллюзию того, что политическое реально существует. По Ж. Бодрийяру, политическое давно превратилось в спектакль, который разыгрывается перед массами, нечто напоминающее матч или кинофильм [2, с. 46]. Иными словами, политика, как и социальное, становятся пространством симуляции, где действуют симулякры третьего порядка.

Мюррей Эдельман в своей работе 1964 года [13, с. 16] вводит понятие «символической политики», которая стратегически использует всевозможные символы, мифы и ритуалы с целью контроля над массами. В то же время, если есть политика «символическая», то утверждается существование и политики «аутентичной», которая в идеале должна отвечать на запросы общества и решать актуальные проблемы [11, с. 258]. Но, с точки зрения Ж. Бодрийяра, подобная дихотомия является неубедительной: в его работах масса (социальное) не может диктовать условия и не имеет репрезентации. А политика, пытаясь «отвечать на запросы общества» (путем бесконечных зондирований, статистики, новостных репортажей) сама растворяется в нем, обращая социальную действительность в гиперреальность. Вместе с тем, политика нуждается в обществе: она должна подкреплять свою легитимацию иллюзией того, что общество ее поддерживает. Для этого и существует весь «спектакль политики». По мнению Т. Мейера, «спектаклярная политика» должна закрывать этот зазор делегитимации, возникающий из-за безразличия общества, создавая видимость альтернативы, видимость того, что электорат все еще может делать выбор [15, с. 141].

Ж. Бодрийяр в данном вопросе подходит к вопросу о гражданском обществе с точки зрения т.н. «квантовой социологии», «социального микромира»: философ отождествляет массы с материей в квантовой физике [2, с. 41]. Материя/массы реагируют на воздействие, отражая сигналы наблюдателя. Но кто может гарантировать, что получаемые ответы не содержатся в заранее заданных вопросах? Наука (а сюда можно причислить и социологию) никогда не задумывается о подобном, ведь тогда бы пришлось упразднить саму идею истины, на

которой наука зиждется. С политикой точно так же: она делает все, чтобы не допустить молчание масс, чтобы массы вовлекались в процесс политической жизни. Их молчание будет означать крах всей системы.

Можно проиллюстрировать сказанное следующим примером: представим себе, что недовольные работники завода не идут на работу или забастовку (что, как говорит сам Бодрийяр, тоже стало своеобразной формой труда, следовательно – потеряло всякий смысл), а остаются дома. Когда руководство завода придет следующим утром, то вместо гула работающих машин услышит только угрожающее молчание. Отсутствие трудящихся масс приведет к краху производства. Но вместе с тем можно признать, что такого не случится, ведь сами трудящиеся связаны заработной платой.

Таким образом, можно сказать, что в рамках теории Бодрийяра не существует политики «символической» и заведомо «аутентичной». Скорее, трансполитичность современного общества – это симптом всеобщих изменений и универсализации, или прозрачности. Философ приводит пример выборной демократии – это первый институт, построенный по принципу бинарности, или «вопросов–ответов»: политики «вопрошают», кого именно из них население хочет видеть в парламенте, а массы голосуют («отвечают»). Сама политика здесь принимает бинарный вид. Для гиперреализма современности «характерна закономерная комбинация двухпартийной системы и социологических опросов, отражающих собой эквивалентное чередование» [4, с. 138]. Такое чередование можно заметить в наиболее развитых обществах – например, Великобритании или США.

Например, в Америке воспринимается как само собой разумеющееся, что «республиканцы» и «демократы» практически никогда не получают абсолютного большинства голосов (результаты голосований обычно разделяются примерно 50/50) и чередуются попеременно. Но при этом сама политика умирает, ведь теперь она может бесконечно воспроизводиться и бесконечно манипулировать общественным мнением. Политика переходит в состояние гиперреальности, где все, что можно было воспроизвести, уже воспроизведено, и нам остается только наблюдать за игрой уже воспроизведенного. Поэтому не так далека от истины серия юмористических роликов на YouTube под названием «Epic Rap Battles of History», где пародии на известных политических и исторических деятелей сражаются между собой на арене рэп–баттла. Одно из таких видео посвящено Дональду Трампу и Хиллари Клинтон: в нем их предвыборные дебаты заключены в рифмованную форму. Ирония состоит в том, что настоящая цель рэп–баттла заключается не в процессе оскорбления противника, а в самом процессе рифмовки, и часто сами баттлы представляют собой гиперреалистичную постановку или спектакль для зрителей на манер реслинга. Смысл меняется местами и становится совершенно прозрачным: политика превращается в баттл, а рэп – в политику. Воображаемые проблемы заменяются воображаемыми решениями, в полном соответствии с патафизикой.

Судя из вышесказанного, можно сказать, что в реальности, которая поглощена гиперреальностью симуляции, политика так же далека от власти, как и вещь

далека от ее воспроизведенного образа. Само право и политика представляют собой симулякры второго порядка, в то время как критика симуляции – это тоже симулякр, причем высшего, третьего порядка, возможно, не имеющий ничего общего с состоянием дел. Права и жизнь человека – это не проявления свободы, а, скорее, это проявления фатальности, предопределенности: «... Существует ли право на желание, на необдуманные поступки, право на наслаждение? Полный абсурд... «Право на жизнь» заставляет трепетать... пока из него не выводят логически право на смерть, после чего его абсурдность становится очевидной. Потому что смерть, как и жизнь, есть судьба, фатальность... но отнюдь не право» [3, с. 128]. В другом месте книги «Прозрачность зла» Ж. Бодрийяр утверждает, что Запад променял свою свободу на преимущества технического прогресса, убил идею свободы собственными руками, и что во второй раз ее уже не обрести [3, с. 141]. Вместо фаустовской эры производства (по О. Шпенглеру) пришла протеиновая эра сетей и интерфейсов [6, с. 63].

Итак, власть оказывается как бы выведенной за скобки. «Как бы» – потому что власть уже нельзя соотносить с субстанцией политического, да и само политическое уже не имеет силы, но, тем не менее, власть незримо присутствует во всей нашей культуре. Поиск власти Ж. Бодрийяр продолжает в экономике: так, он заявляет, что капитал играет политическую экономией, словно симулятивной моделью [4, с. 44]. В данном случае, имеется в виду ценность как выражение капиталистического (или пост-капиталистического) способа производства, осуществляющая контроль с помощью бесконечных рядов симуляции. В противоположность первобытным обществам, где культура построена на дарении (как, например, потlach у североамериканских индейцев), современная культура, по мнению Бодрийяра, построена на обмене ценностей [4, с. 98].

Ценность стремится к поглощению и вездесущности, что приводит к гиперреальности, когда знаки начинают обмениваться только друг на друга, а реальное уже не берется в расчет. Отсюда, главенствующей формой культуры становится не вещь и даже не знак, а код, информация. Код – унифицированная недетерминированная соотношенность элементов, что позволяет системе расширяться. Ультимативными выражениями этой формы выступают ДНК и машинный код. К тому же, грань между генетикой и программированием вот-вот грозит исчезнуть – новейшее исследование Я. Эрлича и Д. Зелински показало, что появляются способы хранения данных прямо в нуклеотидах ДНК. Так, новейшая стратегия (фатальная ли?) под названием DNA Fountain конвертирует машинный код, состоящий из нулей и единиц, в цепочку ДНК, с целью создания максимально эффективного хранилища данных [14, с. 951]. Это доказывает, что информация в виде кода вездесуща и присутствует во всех сферах нашей жизни.

Если следовать точному определению структурного закона ценности, высказанного Ж. Бодрийяром, то данный закон представляет собой чистую форму социального господства, которая не опирается ни на какой-либо класс, ни на насилие (как это было бы в случае с политической властью). Эта форма растворена

в знаках и осуществляется через код [4, с. 57]. Поэтому код, а не политика в наши дни выступает высшим проявлением власти. Такая власть работает путем императива (или фатальной стратегии) тавтологии.

Система, построенная на власти кода и тавтологии, практически неистребима. Код – это элементарная генетическая матрица, аналогичная биологической клетке. Это особая форма контроля, ведь информационный код универсализирует Вселенную и подчиняет ее единым правилам [4, с. 128]. Никакая революция уже не способна его остановить или уничтожить: пафатифическая система обратит революцию в свою пользу, заразив ее своим вредоносным «троянским» кодом (ведь пафатификой, своего рода «зловещей иронией», может обладать не только критик системы, но и она сама). Лучший и простейший пример подобного – портрет Че Гевары, ставший иконой революции и левого движения в целом. После смерти его изображение стали тиражировать в промышленных масштабах настолько, что оно потеряло вообще всякий смысл и содержание. То же произошло и с панковским движением, и с городскими граффити. В первом случае «панком» стали обзывать вообще все что угодно: киберпанк (литературное движение), шифропанк (неформальное движение за анонимность в сети), эмо-панк, пост-панк (мейнстримные музыкальные стили) – и так ad nauseam... А во втором – общественно «подрывные» рисунки заменили более безобидными муралами, наносимыми с одобрения городских властей.

Исходя из теории Ж. Бодрийяра, можно предположить, что власть симуляции гиперстабильна, что ее уже ничто не сможет поколебать, и теперь все, что нам остается – это критика. Казалось бы, сами работы Ж. Бодрийяра наводят нас на подобную мысль: сам философ не пытается выработать какие-либо конструктивные способы выхода из сложившейся ситуации, вместо этого он занимается своего рода «дискурсивным терроризмом» [9, с. 53], критикой всех и вся. Несмотря на эту кажущуюся непоследовательность, значительная часть его текстов посвящена рассмотрению тех областей, где власть симуляции перестает работать и претерпевает крушение. И такой областью, прежде всего, является область смерти.

Начиная сравнивать современное общество, Ж. Бодрийяр замечает, что какой бы совершенной не была система, она не может быть абсолютно закрытой и идентичной себе, то есть вмещать в себе свои собственные основания – в прямом соответствии со знаменитой теоремой Гёделя. И такой «ахиллесовой пятой» современного общества является смерть, которую уже невозможно вписать в систему [4, с. 47]. Пространство импlosion современной культуры (взрывной энергии, направленной внутрь общества) грозит превратиться в пространство эксплозии, и, как утверждает сам автор, для этого будет достаточно одного события, вызова. Таким вызовом является катастрофа, которая принимается в современном мире разнообразие форм. Но если в современном мире диалектика уже не работает, и код способен превратить любую свою противоположность в собственного двойника, то лишь смерть способна привести к субверсии власти, так как она действует на еще более высоком уровне, чем код. Если система примет вызов смерти, то она будет вынуждена ответить только другой смертью [4, с. 98].

Ж. Бодрийяр отдельно исследует проблему вызова: он говорит, что власть обладает исключительным правом на дарение без отдачи (наших прав, привилегий, труда и т.д.). Мы не можем отдать долг власти, точно так же, как мы не можем отдать долг нашего прихода в свет родителям. Но в первобытном обществе не было бескорыстия, в нем был лишь дар–вызов, точно так же, как и в природном мире. В книге «Бог как иллюзия» биолог Ричард Докинз рассматривает теорию Алана Графена под названием «эффект потлача». Автор рассматривает проявления альтруизма в животном мире на примере серых дроздов. Особи этого вида предупреждают других об опасности голосовыми сигналами и делятся кормом с более слабыми птицами. Но в их поведении, как показывает Графен, а за ним – и Докинз, нет ничего «альтруистического» в обыденном смысле этого слова: наоборот, это доминирующие особи удерживают свое главенство тем, что делятся с другими. А если более слабый дрозд по ошибке поделится кормом с более сильным, то первый встретит жестокий отпор [8, с. 278]. Доминирование – вот единственная ситуация, когда возможен односторонний дар.

В вопросе о роли смерти и дара в современной экономике Ж. Бодрийяр заимствует теорию «общей экономики» Жоржа Батая. Ритуал «потлача» Ж. Батай трактует в той же манере, что и Докинз, утверждая, что в первобытных обществах только сильнейшие позволяют себе подарить что-то другому члену племени. К тому же, подарок делается противнику, который вынужден ответить на дар–вызов другим, еще более щедрым даром. Такие подарки становятся «расточительством», и их уже нельзя использовать в цикле обмена ценностями [12, с. 80]. Батай делает из этого вывод, что человеческое общество постоянно вовлечено в процесс расточительства: «История жизни на Земле – в первую очередь результат безудержного буйства; главным событием являюсь развитие роскоши, производство все более дорогостоящих форм жизни» [1, с. 125]. Из всех видов расточительства наиболее дорогостоящим оказывается смерть. Но для нас она необходима, как и всякое расточительство: без нее новорожденным уже не нашлось бы места. Ж. Бодрийяр по этому поводу замечает, что если смерть была бы перераспределена в капитализме по аналогии с богатством, то была бы уничтожена потребительская стоимость жизни [2, с. 88]. Иначе говоря, в условиях бессмертия жизнь уже не стоит равным счетом ничего.

Труд в современном обществе, по Бодрийяру, – это отсроченная смерть [4, с. 104]. Здесь его рассуждения начинают напоминать теорию био–власти Мишеля Фуко. Основная характеристика власти, как считает Ж. Бодрийяр, это не насилие и предавание смерти, а отсрочка смерти, власть оставлять жизнь. Поэтому наиболее радикальным способом патафизической борьбы с властью, по мнению философа, будет немедленная смерть. Отсюда такая озабоченность в современном мире феноменом самоубийства.

С этой точки зрения интересно использование Ж. Бодрийяром термина «безмолвное большинство», которое он позаимствовал у Ричарда Никсона. Тот имел в виду предполагаемое общее мнение граждан США, которое не было освещено в СМИ (например, антивоенные выступления во времена Вьетнамской войны).

Никсон, в свою очередь, позаимствовал это выражение у Гомера, который использовал метафору «молчаливое большинство» применительно к... мертвецам (ведь мертвых больше, чем живых, и они всегда молчат) [10, с. 54]. Выходит, что массы по определению – «мертвые души», которые оживают только тогда, когда к ним обращаются власть имущие (например, во время выборов). Возможно, именно из этого понятия и родился один из наиболее ярких образов современной западной культуры – образ зомби, мертвой толпы, охотящейся за кучкой «избранных». Даже в повседневной речи мы часто можем встретить высказывания про то, что массы якобы «зомбированы» правящей элитой.

Но современное общество боится далеко не зомби. Основной страх современного общества – аномалии: СПИД, рак, терроризм [3, с. 92]. Эти формы, по Бодрийяру, выражают вирулентность внутри системы (вспомним главное клише кино про зомби – живыми мертвецами становятся из-за какого-то непобедимого вируса). Вирус захватывает тело и переписывает принадлежащий ему код; тело уже как бы нам не принадлежит. Точно так же вирусы развиваются на электронных носителях: используя дефекты в системе, вредоносные программы приводят ее в негодность (так действуют, например, «вирусы нулевого дня»). Главная наша уязвимость – это отсутствие изменений. Культурные «вирусы нулевого дня», такие, как терроризм, являют собой вызов цивилизации, которая становится слишком закрытой и тавтологичной. Они представляют собой впрыск энтропии в закрытую систему: «...Это вторичное, вызывающее реакцию насилие, возможно, защищает нас от эпидемии согласия, от политической лейкемии и упадка, которые продолжают углубляться, а также от невидимого, но очевидного влияния Государства» [3, с. 98]. Бодрийяр считает, что культурная энтропия – это необходимое зло, спасающее нас от тепловой смерти цивилизации.

Выводы. В работах Ж. Бодрийяра можно выделить три основные проявления современной гиперлогики власти: трансполитику (стабильное состояние политической системы, позволяющее ей бесконечно воспроизводиться), код (унифицированная форма системных отношений) и тавтологию (высшее проявление порядка, своего рода энтропия внутри политической системы). Анализ гиперлогики власти показал, что ее подлинный смысл раскрывается лишь в контексте феноменов симуляции, гиперреальности и дисперсии. Было раскрыто, что термины «политическое» и «власть» в смысловом поле работ Ж. Бодрийяра не пересекаются. В данном смысле, можно утверждать, что сфера политического (или трансполитического) утрачивает свое означаемое и не способна к коммуникации на уровне знака и референта. Из уровня сигнификативных отношений «денотация–коннотация–миф» политика способна лишь на последнее, экстраполируя себя на массы, которые также не имеют своего собственного означаемого. Власть, с другой стороны, узурпирует сферу коннотации, создавая тем самым разрыв между знаком и вещью, задавая условия для гиперреальности.

Можно утверждать, что единственной действенной стратегией, способной противостоять власти кода и симулякров, является обратимость власти в условиях

воображаемой смерти. Подобное преодоление логики гиперреальности возможно только посредством патафизического обращения её в смерть как вызов, на который невозможно ответить прямо, то есть в своего рода вирус, поражающий внутреннее устройство системы и приводящий её в негодность. Таким образом, можно сделать вывод, что подобная модель, основанная на теории Ж. Бодрийяра, способна выступать в качестве действенной методологии для политической стратегии в условиях пространства симуляции.

Список использованных источников

1. Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология / Жорж Батай; [пер. с фр., сост. С. Н. Зенкин]. – М.: Ладомир, 2006. – 742 с.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конеч социального / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. Н. В. Сулова]. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. – 95 с.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской]. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. С. Н. Зенкина]. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Жан Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. – (Технология свободы).
6. Бодрийяр Ж. Фатальні стратегії / Жан Бодрийяр; [пер. з фр. Л. Кононовича]. – Львів: Кальварія, 2010. – 192 с.
7. Делез Ж. Ницше и философия / Жиль Делез; [пер. с фр. О. Хома]. – М.: Ad Marginem, 2003. – 391 с.
8. Докинз Р. Бог как иллюзия / Ричард Докинз; [пер. с англ. Н. Смелковой]. – СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2014. – 512 с. – (Азбука–классика).
9. Aronowitz S. Postmodernism and Politics / Stanley Aronowitz // Social Text. – 1989. – No.21. – P.46–62.
10. Bishop R. Baudrillard, Death, and Cold War Theory / Ryan Bishop // Bishop R. (ed.) Baudrillard Now: Current Perspectives in Baudrillard Studies. – Cambridge: Polity Press, 2009. – P.47–71.
11. Bluhdorn I. Sustaining the Unsustainable: Symbolic Politics and the Politics of Simulation / Ingolfur Bluhdorn // Environmental Politics. – 2007. – Vol.16, No.2. – P.251–275.
12. Boldt–Irons L. A. Bataille and Baudrillard: From a General Economy to the Transparency of Evil / Leslie Anne Boldt–Irons // Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities. – 2001. – Vol.6, No.2. – P.79–89.
13. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics / Murray Edelman. – Urbana: University of Illinois Press, 1964.
14. Erlich Y. DNA Fountain enables a robust and efficient storage architecture / Y. Erlich, D. Zielinski // Science. – 2017. – No.355 (6328). – P.950–954.
15. Meyer T. Die Transformation des Politischen / Thomas Meyer. – Frankfurt: Suhrkamp, 1994.
16. Redhead S. On Non–Postmodernity / Steve Redhead // Redhead S. (ed.) The Jean Baudrillard Reader. – New York: Columbia University Press, 2008. – P.1–13.

References

1. Bataj Zh. Prokljajata chast': Sakral'naja sociologija / Zhorzh Bataj; [per. s fr., sost. S. N. Zenkin]. – M.: Ladomir, 2006. – 742 s.
2. Bodrijjar Zh. V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konec social'nogo / Zhan Bodrijjar; [per. s fr. N. V. Suslova]. – Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000. – 95 s.
3. Bodrijjar Zh. Prozrachnost' Zla / Zhan Bodrijjar; [per. s fr. L. Ljubarskoj i E. Markovskoj]. – M.: Dobrosvet, 2000. – 258 s.
4. Bodrijjar Zh. Simvolicheskij obmen i smert' / Zhan Bodrijjar; [per. s fr. S. N. Zenkina]. – M.: Dobrosvet, 2000. – 387 s.
5. Bodrijjar Zh. Simuljakry i simuljacii / Zhan Bodrijjar; [per. s fr. A. Kachalova]. – M.: Izdatel'skij dom «POSTUM», 2015. – 240 s. – (Tehnologija svobody).
6. Bodrijjar Zh. Fatal'ni strategii' / Zhan Bodrijjar; [per. z fr. L. Kononovycha]. – L'viv: Kal'varija, 2010. – 192 s.

7. Delez Zh. Nishe i filosofija / Zhil' Delez; [per. s fr. O. Homa]. – M.: Ad Marginem, 2003. – 391 s.
8. Dokinz R. Bog kak iljuzija / Richard Dokinz; [per. s angl. N. Smelkovoj]. – SPb.: Azbuka, Azbuka–Attikus, 2014. – 512 s. – (Azbuka–klassika).
9. Aronowitz S. Postmodernism and Politics / Stanley Aronowitz // Social Text. – 1989. – No.21. – P.46–62.
10. Bishop R. Baudrillard, Death, and Cold War Theory / Ryan Bishop // Bishop R. (ed.) Baudrillard Now: Current Perspectives in Baudrillard Studies. – Cambridge: Polity Press, 2009. – P.47–71.
11. Bluhdorn I. Sustaining the Unsustainable: Symbolic Politics and the Politics of Simulation / Ingolfur Bluhdorn // Environmental Politics. – 2007. – Vol.16, No.2. – P.251–275.
12. Boldt–Irons L. A. Bataille and Baudrillard: From a General Economy to the Transparency of Evil / Leslie Anne Boldt–Irons // Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities. – 2001. – Vol.6, No.2. – P.79–89.
13. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics / Murray Edelman. – Urbana: University of Illinois Press, 1964.
14. Erlich Y. DNA Fountain enables a robust and efficient storage architecture / Y. Erlich, D. Zielinski // Science. – 2017. – No.355 (6328). – P.950–954.
15. Meyer T. Die Transformation des Politischen / Thomas Meyer. – Frankfurt: Suhrkamp, 1994.
16. Redhead S. On Non–Postmodernity / Steve Redhead // Redhead S. (ed.) The Jean Baudrillard Reader. – New York: Columbia University Press, 2008. – P.1–13.

Golovko A. A., postgraduate student, Department of Philosophy of Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine, Dnipro), a_golovko@i.ua

Jean Baudrillard's Pataphysics of Power: Transpolitics, Code, Tautology

The paper analyzes the problems of power in the works of J. Baudrillard and reconstructs the main aspects of his socio-political philosophy (transpolitics, code, and tautology). The relevance of the article is that J. Baudrillard's philosophy can be implemented as an effective model of the analysis and the description of socio-political phenomena in modern global society. The paper uses analysis, descriptive and comparative methods. It is shown that the project of J. Baudrillard's pataphysics of power embodies recursive criticism of power and discovers its hidden premises, such as hyperreality, simulation and delay of death. The basic concepts of the philosophy of power of J. Baudrillard are considered and their interpretation is shown. It is also determined that the sphere of the political and the sphere of power as such does not coincide in the philosophy of J. Baudrillard.

Keywords: simulation, hyperreality, pataphysics, fatality, binarity, capitalism.

Головко А. А., аспірант кафедри філософії, Дніпровський національний університет ім. Олесь Гончара (Україна, Дніпро), a_golovko@i.ua

Патафізика влади Жана Бодрийяра: трансполітика, код, тавтологія

Аналізується проблематика влади у творчості Ж. Бодрийяра і здійснюється реконструкція головних аспектів його соціально-політичної філософії: трансполітики, коду, тавтології. Актуальність статті полягає у тому, що філософія Жана Бодрийяра може виступати як дієва модель аналізу і опису соціально-політичних феноменів в умовах сучасного глобального суспільства. Використовуються аналіз, описовий і компаративний методи. Показано, що проект патафізики влади Ж. Бодрийяра включає рекурсивну критику влади і виявлення її прихованих передумов, зокрема – гіперреальності, симулятивності і відстрочки смерті. Розглянуті головні поняття філософії влади Ж. Бодрийяра і показаний їх взаємозв'язок; також визначено, що сфера політичного і сфера влади як такої в філософії Ж. Бодрийяра не співпадають між собою.

Ключові слова: симуляція, гіперреальність, патафізика, фатальність, бінарність, капіталізм.

* * *